

Открыла воду.

Глянула на площадь,

А там — веселье, песни,

разговор.

Вдова-соседка пробежала молча.

— Куда же вы бежите

с этих пор?

— Победа, милая,

иль не слыхала?

— Ой, что вы говорите?

Боже мой!

Она поправила свой полушалок

И вдруг — бегом,

бегом по мостовой.

Ей громко крикнули:

— Ведро забыла!

Из крана била дикая струя.

Вода шипела, пенилась, бурлила

И радостью лилась через края.

Возвращение

Казак вернулся с дальнего

похода.

Всё время на войне да на войне.

Легко сказать, а он почти три

года,

Три года не был в этой стороне!

Три год шёл он на разбойный

запад.

Вернулся.

Дома — рады без конца.

А сын забыл.

Он шепчет «дядя-папа»

И плачет на коленях у отца.

Игрушки — это вся его утеха,

Притих. Молчит.

Насторожился весь.

— Сынок, я здесь... Я дома...

Я приехал...

— А папы не бывают,

чтобы здесь.

— А где бывают?

— На войне бывают.

— А ты забыл, что кончилась

война?

Малыш смущается:

— Я забываю...

Смеётся и смотрит на ордена.

Заходит солнце. Розовеют дали.

Дымок сигарки вьётся

не спеша...

...И загорелись вдруг и заиграли

Все пять лучей от золотой

медали

На розовой ладошке малыша.

«Чкаловская коммуна»,

2 сентября

В воронке

(Отрывок из «Поэмы о генерале»)

А.И. Родимцеву

Конец пути. Идёт за ротой рота.

Последний хутор мирной

стороны.

Всё ощутимее дыханье фронта,

Отчётливее признаки войны.

Вот полигон, за ним — окопы,

доты —

Недавний след военных лагерей,

Всё чаще пролетают самолёты

Туда, на запад, в логово зверей.

Лежит дорога, извиваясь тонко,

Родной мой город, в яростной
войне
Ты мне дороже стал, чем был
когда-то:
Ведь даже пыль твоих июльских
дней
Я вспоминаю с нежностью
солдата!

Я сотни вёрст прошёл родной
страной
Сквозь фронтовые огненные
дали,
И города России предо мной,
Как трупы обгорелые, лежали.

Я много их прошёл, и каждый
раз,
Встречая взгляд пустых оконных
впадин,
Я видел взгляд незатемнённых
глаз
Знакомых зданий, что остались
сзади.

И в мутной мгле тревожной
темноты
Я шёл вперёд, плотнее стиснув
зубы:
Как русский город, может быть,
и ты
Поднял бы ввысь обугленные
трубы!

И пепелище страшное твоё
Они бы по-немецки называли,
Ведь, может быть, задолго
до боёв
Они тебя по-своему называли...

...Проходит ночь.
Грохочет новый бой:
Они рычат у стен своей берлоги,
И суд России встал над их
толпой, —
В Берлин ведут все русские
дороги!

7 ноября 1944 года

Подготовила Алла Прокофьева

